Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Моя мать ведьма-футанари... опять. Часть вторая: Продолжение

Дорогой читатель, я теряю контроль над рассказом. Я всегда его теряю, но сейчас слишком рано. Совесть не позволит мне распинаться, пока я не выполню все обещания, данные в полуторной части, поэтому вступление будет здесь и оно будет кратким: Звздц тчк Не по плану тчк Начаться должно было со сцены дома зпт основная часть тире в школе тчк Много персонажей сами придумались тчк С именами так никто и не помог тчк Получайте удовольствие зпт если можете тчк Целую зпт Рапунцель воскл зн

Даже лёжа под тёплыми струями воды, расслабиться не удавалось. Странная незнакомка во сне, стремительное начало обучения и проникновение сквозь завесу слов в самую суть не давали покоя. Тем более, что не смотря на напряжённость сновидений и дикую еблю, я отлично выспался и чувствовал себя бодрым, просто морально истощённым. Куратор оказался несказанно прав — душ был лучшим решением в отношении сегодняшнего дня. Всё равно я бы не смог посетить занятия прямо сейчас. И почти все были в таком же состоянии. Исключением были двое пареньков, подозрительно одинаковой внешности, неспешно намыливавшихся на разных концах ванной, и ещё одно черноволосое нечто, с идеально ровным цветом кожи, накрашенными ресницами, нарисованными бровями, жирно подведёнными фиолетовыми тенями глазами, узкими плечами, аккуратными безволосыми бёдрами и рельефным животиком. Нечто быстро намылилось и стало отмываться. Мысли в голову приходить не спешили, поэтому я наблюдал за ним.

После душа нечто взяло розовый тюбик с полочек, в изобилии навешанных по стенам, вышло из-под упругих струй воды и, расположившись у стенки, стало намазывать подмышки, лобок и попку. После чего вышло на центр комнаты и остановилось в ожидании. Тут я обратил внимание, что все души заняты, а некоторые так и не начали мыться. Хоть я и не успел помыться нормально, я решил уступить своё место. Поднявшись с пола я нетвёрдо двинулся в сторону раздевалки, по пути улыбнувшись милому существу. Оно мягко улыбнулось в ответ мне и заняло моё место под душем.

Я выбрался в раздевалку и уселся на дощатую лавку, положив голову на колени. После некоторого времени мысли потихоньку начали приходить, но метались в голове, не давая себя разглядеть. Я, конечно, понимал, что меня не в санаторий и не в обычную школу отправили, но к такой дичи я просто не был готов: странные сны, обряды посвящения, бесполое нечто... Что дальше? Человеческие жертвоприношения, оргии? Вдруг я понял, что меня несёт, а внутренности трясутся мелкой дрожью. Обычные для меня признаки истерики. Надо бы успокоиться, ведь пока ничего невероятного не случилось. Забрали из дома? Не маленький уже. Продержали связанным пару дней? Ну садисты, и что? Да, женщина, приказам которой я не могу сопротивляться. Наверное это могло бы произойти и без магии. Розовая ванная, не выпускающая меня? Ну, любому, изучавшему развлекательную физику, ясно, чо это просто неньютоновская жидкость. Сон, хоть и был особенно правдоподобен, не превышал градусом бреда моих обычных снов. Бесполые мальчики...

Я поднял взгляд. В раздевалке нас было шестеро. Двое ничем не примечательных мальчишки сидели вместе на лавке недалеко от меня. Куратор уже успел одеться и стоял, привалившись к стене, читая книгу. Ещё один мальчишка уже одевался в белый балахон наподобие того, что был одет на кураторе. Плюс вышедшее из душевой бесполое нечто,

которое вытиралось полотенцем. Я решил повнимательнее разглядеть то, из-за чего я не решался определить его пол. Среди нас были мальчишки всех стадий женственности, но у всех них, как и уменя наличие мужской составляющей между ног было неоспоримым. У этого существа же... оно было относительным. Лобок плавно переходил в нечто, больше всего напоминавшее клитор, но не спрятанный между половых губок. Он был приятного персикового оттенка, лишь слегка более насыщенного, чем окружающая его кожа. Ниже расположились яички, наслолько втянутые в тело, что они составили похожее на пухлые половые губки образование. Кожа на них была гладкой и нежной, без складок и такого же персикового цвета, из-за чего думать о них, как о яичках, было весьма сложно. На нас на всех нацепили пояса верности, на нём же красовалось тонкое колечко, плотно сидевшее на основании его... члена? Клитора? Я призадумался.

— Чего ты на меня так смотришь? — медовым голосом спросило существо.

Я на секнду поднял глаза, уловил его взгляд и тут же опустил голову.

— Извини, я не хотел. Просто задумался, — пролепетал я.

Оно легко рассмеялось звонким смехом, а у меня чуть сердце из груди не выскакивало. Глаза! Значит в первый раз мне не показалось. Когда я уступил ему место в душе, в глазах мелькнуло презрение и неприязнь. Сейчас же в глазах я прочитал, что сейчас бы он с удовльствием избил меня и бросил бы в грязь на виду у всех. Мои сомнения растаяли мгновенно — то был парень, подросток, из тех, что сначала давят лягушек и пинают щенков, а потом пьют пиво в подворотнях, избивая взрослых и отжимая деньги у детей. Истерика накрыла меня с головой. Я бы разрыдался, если бы в последнее время не делал этого слишком часто. Стало страшно и обидно, сильно захотлось домой.

Отсидевшись некоторое я пришёл в себя. «Так, — сказал я себе — Мне 18. Я успел поработать на стройке, бродил по заброшкам, бывал в передрягах. Что же меня может так выводить из себя? Таких, как он я уже не раз встречал. В моей компании такой тоже был, тот ещё отморозок, но с ними тоже можно иметь дело. Неужели просто предположение, что магия реальна, могла бы вызвать во мне такой разлад? Или это связанно со внезапной сменой обстановки. Я ведь так и не пожил отдельно от мамы... «. Воспоминания о матери заставили меня вздрогнуть. Не то, чтобы мы были особенно близки, но всё же почти каждый вечер мы сидели в зале, я за ноутбуком, она за своими женкими делами, или за отчётами, или ещё за чем-нибудь, но всегда вместе. Она старалась как можно больше проводить времени в моём обществе, это помогало ей не скучать по отцу. То, что мать оказалась футанари, казалось более значимым, чем то, что футанари существуют в принципе, что у них своя организация, колдовство и школа для мальчиков. Наверное это меня и задело. Я вдруг понял, что чувствую себя преданным и брошенным. Наверное, я слишком привязан к маме, для восемнадцатилетнего.

Я снова огляделся. Кроме меня и безучастного куратора в раздевалке никого не было. Я встал и прошлёпал в душевую, где собрались все оставшиеся. А остались... ну, все, наверное. Я так и не пересчитал нас, пока мы шли по коридорам. Настроения считать сейчас тоже не было.

Потихоньку все начали приходить в себя. Несколько человек вовсю отмывались, остальные сидели под тёплым душем по одиночке или парами. Пока не появилось свободное место, я решил изучить содержимое ближайшей ко мне полки. Кроме очевидных мыла и шампуня, на котором было написано только «ДЛЯ ГОЛОВЫ. СМЫВАТЬ», на полочке были ещё тюбики голубого, розового и зелёного цветов и баночки белого, голубого и коричневого цвета. На

соседней полочке набор был примерно такой же, только цвета были другие. Первым я взял розовый тюбик, которым пользовалось существо. Надпись на нём гласила «ДЕПИЛЯТОР ДЕВИЧИЙ». Я вспомнил его изначально идеально-гладкие подмышки и задался вопросом, а зачем оно ему? Потом взял голубой тюбик и прочитал: «ДЕПИЛЯТОР МАЛЬЧИШЕСКИЙ». Разница была ощутима сразу — несмотря на то, что оба пахли сладко, перепутать такие запахи было невозможно. Мне тут же стало интересно: розовый — женский, голубой — мужской, зелёный — ... ? Неужели здесь есть специальные косметические средства и для всяких промежуточных стадий между мужским и женским. Почему тогда не, ну, допустим, фиолетовый? Меня взял азарт — захотелось угадать, кому же может подходить зелёный. Я взял тюбик и, не читая надписи, открутил крышку и понюхал. Тоже сладкий запах, но в этом очень чётко проступали мятные нотки. Запах был до боли знакомый и, как и во многих других случаях, ответ созрел сразу, но до сознательной части не дошёл. Поломав голову минут пять я не выдержал и прочитал надпись: «ЗУБНАЯ ПАСТА». В этот момент я твёрдо решил серьёзнее относиться к запахам. На банках надписи читать я не стал — освободилось место и я поспешил его занять, чтоы нормально отмыться и пойти на пары. Идея сидеть под душем весь день мне вдруг перестала касаться такой уж привлекательной. Истерика не прошла, но надо было привыкать к новой жизни. Или узнать, как отсюда выбраться.

Хорошенько смыв с себя остатки шампуня я выбрался в раздевалку и начал высматривать своё имя на шкафчике. К моему огорчению, моего имени нигде не было, да и вообще большинство шкафчиков были неподписанными.

— Выбираешь себе шкафчик, а твоё имя само на нём проявится, когда ты его получишь, — не отрываясь от книжки подсказал безучастный куратор.

— У меня уже есть имя, — из упрямства ответил я. Не будучи дураком, я быстро сообразил, о чём он: ещ один обряд, на этот раз связанный с получением имени для получения власти надо мной, или в качестве отметки «созревания», которую так любят авторы романов про колдунов.

— Будет ещё одно, когда заслужишь, — скептически подтвердил мои догадки куратор.

Я выбрал себе шкафчик, расположенный у стены напротив двери, в дальнем от входа в душевую углу. Здесь, одеваясь, я смогу краем глаза видеть шкафчик существа, который находился у противоположный стены, почти у входа в душевую. Не то, чтобы я сразу принял его за врага, но, такие как он, могут первым делом воткнуть тебе нож в спину, а только потом поинтересоваться твоим именем. Выбрав шкафчик, я взялся за маленькую круглую ручку. Она оказалась внезапно холодной. Настолько холодной, что обожгла мне руку. Я сразу же отскочил от шкафчика.

— Не бойся, так и должно быть. Держи ручку покрепче и дай ей нагреться, — подсказал куратор.

Вздохнув, я предпринял ещё одну попытку. Моя влажная кожа прилипла к ледяной поверхности ручки, но холод не причинял боли. Всего лишь было очень холодно, немного онемели пальцы, но ручка быстро грелась в моей руке. Вот уже оттаяла кожа, вот ручка стала нормальной температуры, а вот начала так же быстро разогреваться. Вот едва тёплая, теплее, теплее, горячая! Как и мороз, огонь был чисто символическим для меня, но вполне реальным для ручки — раздался высокий свист, будто бы кто-то рядом паяльником плавил олово, и ручка, раскалившись до красноты, стала размягчаться в моей руке.

— Открывай уже, — спокойно произнёс куратор, оторвавшись от книги.

Я повернул ручку, ставшую в моей руке слегка оплавленной и гораздо более плоской. Замок послушно щёлкнул и дверца открылась. Внутри был обычный шкафчик, какие бывают в детских садах — двойной крючок, прибитый к задней стенке, на котором висело полотенце, и полочка сверху, на которой лежал балахон из белёного тонкого льна. Под балахоном обнаружились обтягивающие трусики с кармашком спереди. Это было очень кстати, потому, что запихать пояс верности в настолько облегающие трусы было бы делом очень болезненным. Натянув их на свой зад, я удивился, как точно они подогнанны под мои размеры. А ведь кому-то они не подходят, наверное...

— А можно ходить без трусов? — спросил я куратора.

— Всё зависит от факультета. Ты в курсе, на какой тебя отдали?

Я задумался. Перед тем, как меня забрали из дома, мы с мамой успели только поговорить о том, что случилось, да договориться, когда она приедет меня навестить.

— Нет. А какие есть?

— Тебя ещё познакомят со всем этим. У вас будет вводное занятие. А теперь ответь, куда ты намылился?

— На пары, — я замялся. Куратор ведь сказал, чтобы мы не беспокоились о парах, но и не сказал нам сидеть в душевой. Хотя спросить его о планах на сегодня не помешало бы, ведь если я буду единственным, кто пойдёт на пары, у куратора могут быть проблемы.

— Без проблем, только проверю, может кто ещё готов.

Куратор заглянул в душевую и вернулся оттуда с ещё одним пареньком. Короткие, тонкие, светлые, почти бесцветные волосы и бледная кожа выдавали в нём или чем-то больного, или серьёзного затворника. Он по-быстрому оделся, но я всё равно нервничал из-за того, что мы можем опоздать. Заметив моё недовольство, куратор сказал, чтобы я не беспокоился, потому, что мы не опоздаем, даже если захотим. Его фраза не сильно меня успокоила, потому, что я не сильно понял её смысл. Когда паренёк был готов, куратор подвёл нас к дверям и ткнул в небольшую табличку, которую я не замечал раньше, потому что она была размером с шариковую ручку. «Открывайте двери на себя» — гласила табличка.

— Помните — всегда на себя, а не то собъёте того, кто стоит перед дверью. А перед дверью у нас всегда кто-то стоит, и, если это окажется кто-нибуь из учительского состава, вам крупно не поздоровится, — куратор мрачно улыбнулся, — Всё, пошли.

Он распахнул двери на себя и на нас обернулось трое человек, что сояли за этими дверями. Это был тот бесполый парень в чёрном балахоне-платье и два неуловимо похожих друг на друга паренька в серых балахонах по обе стороны от него. Я опешил, поту, что они ушли никак не меньше, чем за полчаса до нас. А то и целый час. Или они уже вернулись, но почему тогда они стоят прямо перед дверью спиной к нам?

— О, никак не ожидал, что ты выйдешь вслед за нами! — защебетало нечто, — Мне показалось, что тебе было нехорошо.

От той дружелюбности, с которой оно это сказало, у меня аж зубы свело, но я постарался не подать виду. Двери за нами захлопнулись, но через секунду снова открылись, выпукая ещё человек десять моих новых однокурсников, всех в хорошо подогнанных белых балахонах. Я посторонился, обалдело посматривая на них: люди, которых я ещё тридцать секунд назад видел под душем, шли передо мной полностью сухие, некоторые были аккуратно причёсаны, и никто не выглядел, как будто только в спешке вытирался и одевался. Дверь закрылась за ними и снова открылась, выпуская очередную порцию людей. Я готов был поклясться, что за

спинами предыдущей партии не скрывались одетые однокурсники, но как тогда они так быстро оделись? Дверь снова сомкнула створки и открылась в последний раз, красного, как рак, толстячка с красивыми чёрными волосами до плеч, одетого в белую робу, и куратора, идущего с более отрешённым выражением лица, чем обычно. Заметив, что все вышли, существо забегало между всеми, наводя порядок.

— Не шумим, строимся. Давайте! Соберитесь! Не задерживаем куратора.

Заперев дверь в душ, куратор неспеша прошёл сквозь нестройные ряды новичков, не обращая внимания на суетящееся нечто, и встал во главе толпы. Нечто поспешило присоединиться. Парни в серых балахонах стояли поотдаль в коридоре, и, казалось, ни на что не обращали внимание.

— Я вам не нянька. Вы сами по себе, в мои обязанности смотреть только, чтобы вы знали, как попасть на пары и не умереть с голоду. Я надеюсь, это понятно? — староста оглядел новичков. Все стояли потупившись, вопросов не было, — Балахоны темнеют по мере вашего учебного прогресса. Опоздать на пары почти невозможно, но поторапливайтесь — бездельников и сонь здесь никто не любит, кроме некоторых отдельных факультетов, в которые вы сможете попасть только на третьем году обучения. В балахоне у вас один карман, используйте его с умом. Одежду сможете поменять только если отличитесь в учёбе.их получше их помешал окрик развернувшегося куратора: — За мной. Не отставать. Виновные будут наказаны, а у меня все одинаково виновны.

— А как накажут? — робко поинтересовался высокий худой рыжеволосый паренёк.

— Тебе не понравится. Никому не понравится. Госпожа по воспитательной работе хорошенько вас узнала, за те дни, что вы висели голыми на всяких растяжках. Я не знаю как, но она сделает именно то, что вам будет наиболее неприятно. Будь вы садист, мазохист, эксгибиционист, нарцисс, святой или серая мышь. Так что не болтаем и двигаемся. За нами наблюдают прямо сейчас. И не вертите головами, это минус за поведение.

Почти все испуганно понурились. Я не стал. До меня вдруг дошло, что меня могут исключить, и тогда всё вернётся на круги своя. Я вернусь домой и забуду всё это, как страшный сон. Даже руки зачесались что-нибудь эдакое, но я решил подождать до вступительного занятия. Сначала нужно как следует вызнать.

Дверь в аудиторию, в которой проходило вступительное занятие была семнадцатой, если считать от душа, дверью в череде одинаковых белых двустворчатых дверей, расположенных от нас по левую руку. Она гордо блестела золотой вывеской с чёрной цифрой 1. Чуть подальше зиял проход на лестницу, по которой мы поднялись сюда.

Куратор остановился перед дверью и подождал пока все остановятся и разговоры, начавшиеся во время пути, стихнут.

— Двери открывать только на себя. Без нужды двери не задерживать. Через двери проходить быстро. И самое главное: не оставляйте двери открытыми. Ясно? За этим последуют самые тяжкие наказания, из тех, что я знаю. Пошли, — куратор распахнул двери и отстранился, чтобы мы могли зайти. Первыми вошли близнецы, за ними Линг, за ними мы и оказались... в обычной аудитории. Ну, как обычной. Стены кремового цвета, амфитеатор парт, подиум для преподавателя, кафедра, сдвинутая чуть в сторону, стол для образцов и огромная тёмно-зелёная доска. Я никогда не видел ничего подобного в тех учебных заведениях, в которых учился сам, но фильмы про студентов показывали аудитории именно такими.

Впустив всех, куратор зашёл следом и закрыл за собой дверь. В тот же момент дверь,

расположенная рядом с кафедрой открылась, и через неё прошла пышная... очень... о-о-очень пышная... Будем честны: в дверь втиснулась жирная женщина. Несмотря на свой высокий рост никак иначе я её назвать не мог. Огромные ноги, выпирающий живот, обвислые груди, руки, кажущиеся тонкими в сравнении, дряблые щёки, сглаженные черты лица, всё говорило о избыточном весе. А бронзовый цвет кожи и узкий разрез глаз указывал на монголоидную рассу. Одето на ней было красное свободное платье с небогатой вышивкой. Жирно поблескивающие чёрные волосы были собраны в куцую косу, которая едва спускалась ниже плеч.

— Дети садитесь, — необычайно приятным голосом сказала женщина, — Меня зовут Лелетки, я буду вашей класной дамой. Обещаю не быть слишком строгой, но знайте, что никаких проказ я не потерплю. Если заметите, как ваш товарищ творит какую-нибудь шалость, обязательно скажите мне. За это я обещаю вас достойно наградить. Если же вы видели, но не скажете, тогда я буду вынуждена наказать всех, кого сочту причастным. Если же нарушение совершит ваш сосед по комнате, а вы ничего не заметите, то вы всё равно будете наказаны, потому, что нельзя быть непричём. Мы все здесь одна большая семья, а особенно те, кто живёт рядом. Будьте внимательны друг к другу и постарайтесь воспитать между собой любовь и заботу. Помните, что всё, происходящее в этих стенах — вам на пользу! — из-за жировых складок, было сложно уловить что-нибудь из эмоций на её лице, кроме мягкой широкой улыбки. Проследить выражение и направление её глаз тоже не представлялось возможным, но она странным образом располагала к себе. Странным образом... Уже сев за парту, я тряхнул головой и принюхался. Да, так и было. Снова запах и снова другой. На этот раз солёный запах, свежий. Пахл морем. Запахов было много, но главных было два: море и холод. Я снова взглянул на Лелетки, — ... можте прочитать в уставе школы. В коридоре вы найдёте стэнд со списками факультетов, вашим распределением, расписанием занятий и прочими дополнительными мелочами. По любому вопросу обращайтесь ко мне, я всегда буду рада вам помочь. Сегодня заданий не будет, но вам обязательно посетить всех преподавателей чтобы познакомиться, — говорила она легко и не принуждённо. Мне стало понятно сквозь мороку приворота, или как это можно назвать, что Лелетки на самом деле добрая и приятная женщина. Возможно, что она отнесётся к нам с излишней опекой, но только из лучших побуждний.

Лелетки хлопнула в ладоши и вышла из-за кафедры. Тут я понял, что недооценил её рост. В ней наверное было сантиметров 185, если не 190. Обувь у неё была простая, без каблука, что придавало ещё больше значимости этому факту. В нашем курсе не было никого, кто был бы хотя бы одного роста с ней.

— Теперь важное! Ваш куратор, Домзор, — куратор, прислонившийся к стене на заднем ряду, безучастно опустил глаза в пол, — Наверняка успел познакомить вас с правилами дверей. Двери всегда открываете только на себя, проходите быстро и никогда не оставляете открытыми. А я научу вас правилу занятий. Хотя вы и не можете опоздать на занятия, вы не можете посетить два занятия сразу. Хоть вам и могло показаться, что время в коридоре остановилось, оно идёт, просто по-другому. И, посетив первое занятие, вы выйдете совсем в другой коридор. Вернувшись через ту же дверь, вы попадёте уже в другую аудиторию. Пользуйтесь ванной комнатой перед занятием заранее, чтобы не покинуть аудиторию раньше времени, потому что вернуться вы уже не сможете. Не оставляйте вещи в коридоре. Они попадут к Госпоже Воспитательнице и вам придётся очень постараться, чтобы вернуть их. Не

подумайте, что госпожа злая, но она бывает излишне строгой. Надеюсь, вы запомните всё, что я сказала и у вас не будет проблем с дисциплиной. А теперь об учёбе. Я буду вести у вас правила поведения и основы этикета. Конечно же занятия будут совершенно разными для разных факультетов, но, я надеюсь, если у вас выдастся свободная пара, вы заглянете ко мне на занятие, а не в зону отдыха или медпункт. А если у вас будет свободная пара сразу после моих занятий, то милости прошу в мой личный кабинет на чашечку чая. Поверьте, вы не будете разочарованы. А теперь: встали! Поклон. Всем доброго дня. Домзор, прошу тебя.

Куратор в своей обычной манере встал спиной к дверям и терпеливо ждал, пока курс соберётся. На этот раз я встал в хвост очереди, чтобы спокойно оглядеться. Предупреждение куратора о наказании не сильно меня волновало — что может стать хуже, в конце-то концов? Не то, чтобы я прям ненавидел эту школу, она наоборот, даже казалась мне интригующей, но посидеть ещё пару дней в карцере связанным без еды не казалось чем-то прям уж ужасным.

Мы вышли в коридор и сразу свернули направо, в сторону душа. Я взглянул налево и отметил: прохода в коридор не было. На его месте красовался стэнд с вывешенными списками, таблицами и объявлениями.

— Потом глянете свои факультеты, времени у вас будет достаточно. Сейчас пройдёмся по преподавателям, — громко сказал Домзор и направился к следующей двери, отмеченной, естественно, цифрой 2. Проведя ритуал входа, Домзор остался снаружи и закрыл за нами дверь. Аудитория выглядела совершенно такой же. Преподаватель же, взошедший на кафедру, была почти полной противоположностью Лелетки — миниатюрная, хрупкая, она была вряд ли выше 160 сантиметров ростом. Волосы на голове были собранны в сложный пучок и закреплены тёмными шпильками-кандзаси. Молочно-белая кожа, большие голубые глаза и заострённые черты лица, утончённый, но резкий, макияж и чёрное с белыми узорами кимоно, перепоясанное шафрановой лентой светились холодной красотой. Краем глаза я заметил преданное выражение лица Линг, смотрящего в её сторону. Выглядела она потрясающе, завораживающе и я тут же принюхался, но, кроме запаха мыла и шампуня, окружающего нашу группу, не уловил ничего. Тогда я попробовал отвести взгляд и вдруг понял, что не могу. Судя по царившей вокруг тишине, весь курс был в том же состоянии. Я не смотрел ей прямо в глаза, не мог, но мой взгляд скользил по переплетающимся узорам на её одежде и не мог сбежать из их плена.

— Здравствуйте, дети. Пройдите к своим местам. Я ваш преподаватель макияжа и татуажа, учитель Куми. Также я буду вести у вас искусство узора, если на третьем году обучения вы выберете этот факультатив. Прошу вас запомнить, что учитель это не моя работа, а мой статус и, если вы хотите ко мне обратиться, вы обязанны так меня и назвать: «учитель Куми». А теперь — добрый день, — с этими словами она легко поклонилась и все мы, стя у ближайших свободных парт, синхронно поклонились в ответ, после чего сели, повинуясь лёгкому кивку госпожи Куми — Я не буду многословна. Хочу сказать, что макияж потребуется каждому из вас, в разном качестве, конечно. А тауаж пригодится тем из вас, кому не повезло родиться с идеальной фигурой или кожей. Помимо лица, на моих занятиях вы узнаете, как визуально корректировать фигуру, форму грудей и как изменить первое впечатление о ваших гениталиях. А первое впечатление критически важно, поверьте мне. Самые упорные из вас смогут проникнуть в искусство влияния, движением бровей научится вызывать желание, и гасить волю лёгкой улыбкой После тщательного макияжа, конечно, — она засмеялась. Только её смех выдавал в ней немолодую женщину, всё остальное было неотличимо от девушки лет

18. Поняв, что смех её выдал, она оглядела аудиторию. Её взгляд метнулся в левый угол, потом проскользнул мимо меня и тут же вернулся. Учитель куми, не меняя своего официозно-доброжелательного лица прикрыла рот рукавом кимоно, как будто хотела кашлянуть и, глядя мне прямо в глаза повела правой бровью. Голова тут же неполнилась туманом и я, испугавшись, собрался, не отдавая себе отчёта, что таким образом я противлюсь воле преподавателя. Точнее, я понял это спустя мгновение, но решил, что терять мне нечего и продолжил. На секунду застыв, Куми убрала рукав и медленно стала закрывать глаза. Мою голову как будто поместили под пресс. Но отступать было поздно и глупо, да и не в моём стиле, поэтому я вытянулся на месте, широко окрыв глаза и изо всех сил пытаясь остаться в сознании, но, когда веки госпожи сомкнулись, я отключился.

Очнулся я в небольшой комнате, по периметру которой были расставленны зеркала. Я был крепко привязан к постаменту из грубого камня. Глаза жгло и я попытался моргнуть, но сквозь веки комната была так же хороша видна, как и с открытыми глазами. Мне сразу стало понятно, что я сплю. Зная это, я свободно разорвал ремни и встал с постамента. Зал стал стремительно расти, возникали колонны, образовался второй этаж с галлереей, всё было очень похоже на большой театр, но сцены не было. Каменное ложе оставалось в центре зала и я решил пройтись между колоннами, надеясь снова встретить ту девушку, из моего прошлого сна. Бродя между колоннами я, наконец достиг зеркальной стены и пошёл вдоль неё, внимательно всматриваясь в отражение. Делал я это больше из хитрости — наверняка она позаботилась о зеркалах. А хитрость была в том, что начищенныйдо блеска мраморный пол под ногами отражал ничуть не хуже любого зеркала. Хотя я и без того знал, где её найду. Ещё мама рассказывала мне, что из-за левого плеча за нами наблюдает смерть и всякий, кто хочет остаться незамеченным, будет прятаться за ней. Ну что ж, пришла пора отнестись серьёзно к маминым сказкам. Правой рукой я опёрся на зеркальную стену и, резко обернувшись, взглянул на место за своим левым плечом. Никого не было, кроме... отражающейся в мраморе той самой незнакомки.

— Я вижу тебя, — улыбнулся я. Она вдруг показалась такой знакомой и родной, что, как только она возникла из воздуха я подошёл к ней и обнял. Она не сопротивлялась. Когда я, немного отстранившись попытался с ней заговорить, она приложила мне палец к губам и начала падать, потянув меня за собой. Упали мы на огромную белоснежную кровать, чему я не удивился — сон есть сон. На мне оказался белый балахон-платье, как у Линга, только с короткой юбкой. Не тратя времени попусту, незнакомка, упавшая на кровать уже голой, пристроила головку своего шикарного члена к моей попке. Не знаю, с чем это было связанно, но в этот раз его вхождение сопровождалось большим дискомфортом. На полпути ей пришлось даже остановиться, вытащить свой инструмент и вернуться к вхождению после тщательного смазывания. В этот раз всё пошло лучше, но удовльствие появилось только после того, как её орган погрузился в меня до основания. Когда же она потянулась назад, возникший дискомфорт заставил меня дёрнуться и она тут же прекратила, нежно положив руку мне на живот. Немного погладив меня по животу, она креппко взяла меня за бёдра и начала водить туда-сюда так, что член потоянно менял во мне своё положение, не выходя при том из меня ни на сантиметр. Это мне понравилось. Мы потихоньку входили в раж и я взял свой символ мужского в руку, но внезапно он не отзывался во мне ничем приятным. Незнакомка взяла меня за руку и покачав головой щёлкнула пальцами. На моём члене проступила слегка отсвечивающая голубым клетка верности. Я совершенно про неё забыл.

Мне стало как-то грустно и обидно за мою мужественность, но заскучать моя партнёрша мне не дала — покрепче схватив меня за бёдра она начала крутить меня на своём члене. Это было довольно приятно и, когда я разомлел, вдруг с силой насадила меня на свой стержень. При разгоне в пару миллиметров он, тем не менее, очень ощутимо задел мой внутренний источник удовольствия, от чего у меня поджались ногии, воспользовавшись этим незнакомка снова начала качать меня туда сюда, усиляя ощущения. Через минуту, придя в себя, я начал подмахивать ей, насаживаясь на её сочную дубинку, вколачивая её в себя, не вытаскивая. Её орудие удовольствия дёргалось во мне-туда-сюда, растягивая мои внутреннии границы и задевая всё, что можно. Растущий огненный шар удовольствия грозил лопнуть в любой момент. Нужен был только небольшой катализатор...

— Кхм... — раздалось за моей спиной

Смесь стыда и страха спровоцировала мощный оргазм, сперма залпами выплёскивалась из моего члена, пока я крепко держался за плечи моей патнёрши, в момент, когда последняя струйка спермы лениво выплеснулась из члена, я обессиленно обернулся и увидел её... незнакомку из сна. Она стояла, сменив юбку на обтягивающие брюки, на которых невозможно было разглядеть и намёка на непорядок в паху. Я взглянул на девушку, чей орган до сих пор ощутимо пребывал во мне, неудовлетворённый и горячий, и вдруг обнаружил, что она не настоящая! Сквозь знакомые черты пробивались кукольные глаза, кожа с резиновым блеском ипрочие признаки подделки.

— Прости, я... я не знаю, как это объяснить, но... — я пытался оправдать сябя как-нибудь, но ничего путного на ум не приходило. Чтобы уменьшить неловкость ситуации я попытался встать. Ватные ноги нехотели слушаться. С одной стороны я чувствовал, как силы в них остаётся всё меньше, в то время, как щёкочущее чувство нервного напряжения росло. «Так недолго и до судороги» — подумалось мне и собрав все силы я попытался выпрямить левую ногу.

— Стой! — крикнула девушка, но было поздно — собравшись с силами, я дёрнул ногой и проснулся. От рывка ноги я аж подпрыгнул. Приземляясь, я снова испытал приятное чувство чего-то, сладко давящего на простату. Пока я пытался понять, что же во мне может быть, если секс мне приснился, сверху в поле моего зрения ворвалась голова в белой пилотке и больничной маске.

— Проснулся? Добро пожаловать в медпункт! — бодро произнесла голова. Я, втянув голову в плечи в очередной раз захотел оказаться дома, в тепле и покое, но тщетно.

Покой нам только снится.